

* * *

На озере Чад проживает нерусский народ,
привыкший к жаре. Там не встретишь тенистых дубрав.
В папирусе дремлет, от солнца сомлев, бегемот.
И уши топорщит жираф,
который с рожденья усвоил, что жизнь хороша,

чем дышит саванна и как небосвод бирюзов.
Большие жирафы встречали его, малыша,
касанием нежно-доверчивым теплых носов.

Дружна и пятниста была у жирафа семья.
Он верил - его никогда не обидят враги,
покуда шагает по Африке, листья жуя,
а рядом - вприпрыжку кофейный малыш Ибрагим.

Хотя, говорят, Ибрагим – абиссинский хамит
и жил далеко на востоке от озера Чад.
Еще нашептали - хамит, мол, почти что семит...

И чёрт его знает, откуда берут арапчат,
которых привозят в Россию, где крестят.
Любя,
за службу даруют поместья.
Под сенью дубрав
им местные бабы рожают смуглявых ребят.
Смотри, как играет в снегу во дворе детвора.

И как-то зимой одному из таких игрунов
арапо-славянской породы, как ляжет поспать,
приснится (откуда берутся сюжеты у снов!?!) -
шагает на ножках своих пеликаньих изба
по пыльной саванне, и как крокодил большерот,
цецеисты мухи, и злы комары, как жара...
Под пальмой грустит на цепи золотой бегемот
ученый. И уши топорщит жираф.

Павел Петрович в императорской усыпальнице

Болтать с тобой - что может быть нелепее!
Вот, мерзну тут под мраморной плитой,
подумать только, не одно столетие.
Узнал ли ты мой вензель завитой
на шарфе?
От удара табакеркой
так ноет окровавленный висок.
Еще бы в Павловск выбраться разок,
где небо восхищали фейерверки...
с Лопухиной играли при свечах,
забыв про Виттенбергскую принцессу,
мы в фараон.
Лобзания, промессы.

Я сделал ей признание сгоряча
в одном из домиков охотничьих.
Крик, Крак.
Ведь мог еще повластвовать, дурак...
Вокруг меня гнездятся херувимы.
Лепной декор, золотой иконостас.
Мечтал - хоть здесь цари неуязвимы,
но нас как экспонаты - напоказ.
А было время, экая нелепость,
там, где Романовы воздвигли пантеон,
хотели Петропавловскую крепость
разрушить и построить стадион.
И цокают туристы языками,
дивятся, как уложены рядками
убийцы и их жертвы...
Ведь сомнение
поверь, еще до твоего рождения
как червь глодало - что меня предашь,
кто дичь и заготовлен чей ягдташ.
Ложиться спать надежней с пистолетом.
Мне, Саша, на душе, признаться, гадко.
А помнишь, в Гатчине я тем, давнишним, летом
резную подарил тебе лошадку.
День выдался тягуч и студенист,
в окно влетела верткая синичка,
Кутайсов ловко каждую клубничку
обертывал в саду в дубовый лист,
а челядь ягоды укладывала в ящик...
На Рождество был праздник настоящий.
Январь, мороз, а на столе – клубника.
По-детски было счастье светлолико.
Хотелось чуда, неохватно много,
но только я теперь не верю в Бога.
Так и ему, как видно, неохота
помочь мне с шубой теплой из енота.

На Прачечном мосту

На трехпролётном Прачечном мосту,
веками прополощенном дождями,
доверчиво знакомимся губами,
пока июльский ливень превращает
твое льняное платье в невидимку.
Но нам до этого и дела вовсе нет.
Для нас ничто сейчас не существует,

помимо губ.

А мост к таким как мы
давно привык. Его нам не смутить.
Ведь он живёт масштабами столетий.
Его с утра заботит непогода.
Но ты не можешь не влюблять в себя мосты...

Когда растопишь каменное сердце,
и чувственность войдет в его проемы,
овальные люкарны вместо глаз
фасетных нас с тобой запечатлеют
на пленке времени, которую затем
проявят и за хвостик на прищепку
гирляндой подвешат на просушку.
Вот так и будем сохнуть друг по дружке
на этой плёнке до скончания времен.

